

5. Симоненко С. П. Проблеми культурної політики в Україні та світові інтеркультурні взаємодії / С. П. Симоненко // Універсальні виміри української культури. – О. : б.в., 2000. – С. 43–55.
6. Українська держава й культура: спроби ретроспективного аналізу (90-ті рр. ХХ ст.) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського: Серія: Історія. – 2008. – № 13. – Секція Україна. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nzvdpu_ist/2008_13/sekcija%20ukraina/ukrainska%20derjavna%20u%20kylturna%20sprbu%20retrospektivnogo%20analizu.pdf. – Назва з екрана.
7. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2002. – 477 с.
8. Фесенко Н. С. Політика держави у сфері культури: імплементація закордонного досвіду на українські терени / Н. С. Фесенко // Державне будівництво: Електронне наукове фахове видання Харківського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президенті України. [Електронний ресурс]. – <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2008-2/index.html> – Назва з екрана.
9. Culture programme: a serious cultural investment // Electronic data (1 file). [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc411_en.htm
10. Kulturpolitik i praktiken. – 2. rev. Uppl. – Stockholm, 1985. – 127 s.
11. La francophonie et la doctrine du Soft Power / Jacques_Dufresne. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://agora.qc.ca/francophonie.nsf/Documents/Etats-Unis>.

ГОРБАЧЕВ В. П.,

кандидат юридических наук,
доцент, адвокат

(*Донецкая областная коллегия адвокатов*)

УДК 343.123.3:343.32:343.163«18/19»

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРЕКРАЩЕНИИ ДОЗНАНИЙ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье на основании нормативных и архивных материалов рассмотрена роль прокуратуры в решении вопросов прекращения дознаний о государственных преступлениях в Российской империи

Ключевые слова: прокуратура, жандармерия, дознание, государственные преступления, прекращение уголовного дела.

У статті на підставі нормативних і архівних матеріалів розглянуто роль прокуратури у вирішенні питань припинення дізнань про державні злочини в Російській імперії.

Ключові слова: прокуратура, жандармерія, дізнання, державні злочини, припинення кримінальної справи.

The article, based on the normative and archival materials, considers the role of the prosecutor's office in resolving the issues of termination of inquiries about state crimes in the Russian Empire.

Key words: prosecutor's office, gendarmerie, inquiry, state crimes, termination of the criminal case.

Введение. Одним из основных вопросов уголовного процесса является вопрос о прекращении уголовных дел и роли в этом прокуратуры. Наиболее актуален этот вопрос касательно государственных преступлений, и в этом аспекте полезным является изучение исторического опыта.

В досоветский период вопросам расследования государственных преступлений уделяли внимание С. Викторский, А. Кони, Н. Муравьев, Н. Розин, В. Случевский, Д. Тальберг, И. Тарасов, И. Фойницкий и др. Однако из-за недоступности в то время многочисленных секретных документов эти исследования имеют неполный характер. В советский и современный период некоторые аспекты данного вопроса отражены в работах В. Бессарабова, Ю. Горячковой, А. Звягинцева, Е. Ивановой,

С. Казанцева, К. Краковского, О. Кутафина, Р. Савуляка, В. Сухоноса, А. Филонова, П. Щербины, А. Ярмыша и др. Однако роль прокуратуры в прекращении дел о государственных преступлениях остается недостаточно изученной.

Постановка задачи. Целью статьи является анализ на основании нормативных и архивных материалов роли прокуратуры в прекращении дознаний о государственных преступлениях после судебной реформы 1864 г. в Российской империи.

Результаты исследования. После проведения судебной реформы одним из теоретических и практических вопросов был вопрос о допустимости применения принципа целесообразности при возбуждении судебного преследования. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал возможность отказываться в возбуждении такого преследования по мотивам целесообразности, а на теоретическом уровне по этому вопросу не было единого мнения [1].

Сторонники принципа целесообразности в уголовном процессе допускали возможность его применения (в том числе по политическим соображениям) с целью избежать большего вреда от уголовного преследования, чем от самого преступления. Прокурор Московской судебной палаты (а в дальнейшем – министр юстиции) Н. Муравьев исходил из того, что, действуя по уполномочию государства, прокуратура имеет право в государственных или общественных интересах оставлять без судебного преследования определенные формально преступные факты (в основном в сфере государственных преступлений и преступлений против порядка управления). Он отмечал, что прокурор не должен ограничиваться одними формальными признаками преступления, а должен смотреть «на живую сущность дела», должен учитывать, что может выйти из преследования в государственном и общественном отношении, так как репрессия может оказаться вреднее и опаснее, чем ее игнорирование [2, с. 18–20; 3, с. 14; 4, с. 558–559].

Несмотря на теоретические дискуссии, в законодательстве еще в дореформенный период была предусмотрена возможность применения административного порядка рассмотрения дел о государственных преступлениях (вместо судебного). Например, по делам лиц военного ведомства, обвиняемых «в произнесении оскорбительных слов» против членов императорской фамилии, с целью предотвращения «вредных последствий», которые могли произойти от рассмотрения этих дел в обычном судебном порядке, император 4 декабря 1852 г. секретным «повелением» обязал воинских начальников об установленных в ходе расследования обстоятельствах сообщать военному министру и после доклада императору ожидать решения о том, дать ли таким делам судебный ход или же они могут быть окончены в административном порядке [5, с. 14].

Административный порядок разрешения дознаний о государственных преступлениях¹ продолжал действовать и после проведения судебной реформы, хотя в первые годы он применялся «в весьма умеренных размерах». Практика признавала неудобным доводить до суда (и тем самым создавать политические процессы) мелкие, единичные случаи, которые хотя и подходили под определения уголовного закона, однако «не заключали в себе ни действительно преступной злой воли, ни элементов общей опасности и вреда» [6, с. 71]. А Главное военно-судное управление военного министерства 24 декабря 1870 г., подтверждая действие указанного секретного повеления от 4 декабря 1852 г., его копию направило для сведения военному прокурору Харьковского военно-окружного суда [5, с. 13].

Применение административного порядка разрешения дознаний о государственных преступлениях не предусматривалось Уставом уголовного судопроизводства, и поэтому нарушало «законный ход судебного производства». Порядок разрешения таких дел состоял в том, что прокурор палаты, получив дознание от прокурора окружного суда, не требовал назначения по нему предварительного следствия, а представлял его министру юстиции со своим письменным заключением об окончании производства полным его прекращением или прекращением с принятием той или иной административной меры. Такое разрешение дознания осуществлялось на основании соглашения между министром юстиции и начальником III Отделения императорской канцелярии с его одобрения императором. По оценке современников, несмотря на административный характер результата, вся комбинация получала следующий, чисто юридический смысл: власть, уполномоченная возбуждать и производить уголовное преследование государственных преступлений, руководствуясь соображениями государственной пользы и необходимости, признавала возможным оставлять без судебного преследования те или иные формально преступные факты и предоставляла административной власти право принимать в исключительно полицейских целях некоторые допускаемые законами политические меры, не имевшие характера косвенной или замаскированной уголовной кары. При таком порядке прокуратура содействовала введению в судебное дело административного усмотрения [6, с. 71–72].

¹ К государственным преступлениям относились преступления против императора и членов императорского дома, бунт против верховной власти и государственная измена (ст. ст. 241–261 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных).

В 1871 г. административный порядок перестал быть секретным. Закон от 19 мая 1871 г. прокурорское дознание по государственным преступлениям заменил жандармским дознанием и предусмотрел возможность его окончания не в судебном, а в административном порядке, в котором прокуратуре принадлежала центральная роль. Все оконченные дознания прокурор судебной палаты представлял министру юстиции, который по согласованию с шефом жандармов (а с августа 1880 г. – с министром внутренних дел) делал распоряжение о производстве предварительного следствия или же обращался к императору за разрешением прекратить производство с полным прекращением дела или с разрешением его в административном порядке [7, с. 594].

Архивные материалы по Екатеринославской губернии за 1875–1876 гг. свидетельствуют о том, что за произнесение «дерзких слов» против императора последний принимал решение виновных лиц подвергнуть аресту при волостном правлении на 2 недели или заключению в тюрьме на один месяц и затем прекратить дознание. Дела о противоправительственной пропаганде разрешались в административном порядке с высылкой лиц под надзор полиции, с вменением в наказание ареста, которому лицо уже было подвергнуто, и т. п. [8, с. 1; 9, с. 1; 10, с. 4; 11, с. 1; 12, с. 1].

После принятия указанного закона административный порядок разрешения дел о государственных преступлениях получил преобладающее применение. Министр юстиции Н. Муравьев в 1895 г. называл его обычным порядком, который установился по закону и на практике [13, с. 120]. При этом, например, в 1884–1890 гг. в среднем за год к дознаниям по политическим преступлениям привлекалось 538 человек [14, с. 54–55].

Прокуратура принимала участие в проектировании административных мер посредством составления заключений о дальнейшем направлении дознаний. В связи с этим она, по утверждению И. Тарасова, выполняла вовсе несвойственную ей полусудебную функцию. По свидетельствам современников, после принятия закона 19 мая 1871 г. прокуратура стала орудием гораздо более административного, чем судебного преследования, и исследования государственных преступлений [15, с. 607–608, 613; 16, с. 160; 17, с. 224].

Попытки на правительственном уровне в 1878 г. ограничить сферу административного разрешения дознаний в пользу судебного остались безрезультатными [18, с. 181]. В дальнейшем по некоторым видам государственных преступлений эта процедура даже упростилась, и постепенно снизился правительственный уровень, на котором решался этот вопрос. Если по закону от 19 мая 1871 г. вопрос о прекращении производства по государственным преступлениям решался на уровне императора, то на основании «Высочайшего повеления» от 10 июня 1881 г. дела об оскорблении императора и членов императорского дома прекращались по соглашению министра юстиции и министра внутренних дел, т. е. на уровне центральных ведомств [19, с. 12, 91, 109, 149, 163, 197, 230, 325]. А по «Высочайшему повелению» от 18 января 1901 г. дела об указанных преступлениях стали решаться на местном уровне по соглашению прокуроров судебных палат с губернаторами и другими приравненными к ним чиновниками [20, с. 1, 2 об.].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что на основании Закона от 10 июня 1881 г. прокуроры судебных палат направляли дела в министерство юстиции со своими заключениями [20, с. 4]. О принятом решении (об аресте на срок до 10 дней, высылке в Сибирь, поручении особо бдительному надзору учебного начальства и т. п.) министр юстиции сообщал прокурорам судебных палат, а они – прокурорам окружных судов. Одновременно прокурору окружного суда предлагалось проконтролировать исполнение принятого решения о применении административных мер и отмену после этого избранной в отношении обвиняемого меры пресечения. В связи с этим прокуроры запрашивали у губернаторов или у начальников губернских жандармских управлений соответствующую информацию и получали ее [19, с. 12, 26, 91, 149, 150, 163, 230, 325, 336, 429, 491, 496].

По свидетельству министра внутренних дел Д. Сипягина (1901 г.), 20-летний опыт разрешения дел об оскорблениях императора и членов императорского дома показал, что за редкими исключениями эти преступления совершались «не вследствие противоправительственной агитации или вредного направления виновных», а главным образом под влиянием таких случайных факторов, как состояние раздражения и опьянения, а также «по невежеству, легкомыслию и свойственной русскому простолюдину привычке произносить площадную брань по всякому поводу». В этих делах почти всегда отсутствовало прямое намерение нанести оскорбление императору или членам императорского дома. Такой характер преступлений и привел к необходимости вместо определенных

² Ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях (в редакции 1866 г.) за оскорбление императора и членов его семьи предусматривали лишение всех прав, состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 6 до 8 лет, а если это было совершено «в пьянстве, без преднамеренного на то умысла», то к заключению в смиренном доме на срок от 4 до 8 месяцев. Редакция 1885 г. при наличии смягчающих обстоятельств (совершил «по неразумению или невежеству» и т. п.) предусматривала заключение в тюрьме от 2 до 8 месяцев.

в законе суровых наказаний² назначать виновным простой арест, а иногда ограничиваться одним лишь внушением [20, с. 2]. По существовавшей практике министерств юстиции и внутренних дел по дознаниям указанной категории обычно назначался арест или тюремное заключение в пределах от 3 дней до 2 недель; более продолжительные сроки определялись только в немногих случаях, когда обвиняемый ранее уже был наказан за такое же преступление или когда общественное положение обвиняемого давало основание требовать от него особой сдержанности и сознания важности совершаемого преступления [20, с. 2].

18 января 1901 г. с целью скорейшего наказания виновных последовало секретное «Высочайшее соизволение», которое установило новый порядок разрешения дознаний, производимых жандармскими управлениями по делам об оскорблении императора и членов императорского дома (ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях). Рассмотрение указанных дознаний по существу, их прекращение, а также определение по ним взысканий в пределах заключения в тюрьме до 1 месяца или ареста до 1 месяца предоставлялось «соглашению» прокуроров судебных палат с губернаторами и другими соответствующими чиновниками (градоначальниками и т. п.). Однако для некоторых случаев был сохранен прежний порядок разрешения таких дознаний центральными ведомствами, установленный законом от 10 июня 1881 г.: 1) когда указанные представители административной, судебной и военной власти признавали необходимым назначить обвиняемому взыскание, превышающее заключение в тюрьме на 1 месяц или арест на 1 месяц, или применить к виновному иную меру (административную высылку, надзор полиции и т. п.); 2) когда между указанными властями по существу дела возникло разномыслие; 3) когда обвинялись священнослужители и монашествующие, учащиеся высших, средних и низших учебных заведений и иностранные подданные; 4) когда указанные представители власти считали необходимым представить дело на разрешение соответствующих министров с учетом служебного или общественного положения обвиняемого; 5) когда министр юстиции или министр внутренних дел, а по делам военнослужащих – военный министр или управляющий морским министерством признавали необходимым непосредственно рассмотреть дело [20, с. 1].

Архивные материалы по округу Киевской судебной палаты свидетельствуют о том, что после принятия закона от 18 января 1901 г. дознания по ст. ст. 246–248 Уложения о наказаниях перестали направляться для разрешения в министерство юстиции и стали решаться на местном уровне. Если в 1901 г. в министерство юстиции направлено 13 дознаний, а на местном уровне решено 71 дело, то в 1902 и 1903 гг. в министерство не направлено ни одного дознания, а все они разрешены по согласованию прокурора судебной палаты с местными представителями административной и военной власти (соответственно 63 и 56 дел). При этом ежегодно в отношении пятой части лиц (22%) дела прекращались без применения к ним взысканий [21, с. 26].

Порядок прекращения дознаний позволяют выяснить архивные материалы. Например, с марта до декабря 1901 г. прокурор Харьковской судебной палаты на основании закона 18 января 1901 г. представил на рассмотрение Екатеринославского губернатора 16 материалов дознаний по ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях, проведенных губернским жандармским управлением, а также свои заключения о дальнейшем направлении этих дел. В заключениях прокурор указывал, доказан ли факт совершения преступления, признал ли обвиняемый себя виновным, привлекался ли он ранее к дознаниям по политическим делам, а также предлагал разрешить дело в административном порядке, прекратив производство, назначив конкретную меру взыскания (арест при полиции на срок от 3 до 20 дней) и отменив меру пресечения. В случаях, когда прокурор не усматривал признаков государственного преступления, когда обвинение было «недостаточно доказанным», когда оскорбительные слова сказаны психически больным лицом, которое могло не осознавать того, что говорит, и в других подобных случаях прокурор предлагал разрешить дело в административном порядке, прекратив производство и отменив меру пресечения; при этом какие-либо меры взыскания прокурор не предлагал [20, с. 5, 6, 6 об., 13 об., 16, 17 об., 26, 27, 34, 41, 53 об., 63, 71, 76, 84, 99].

Порядок исполнения назначенных по этим делам взысканий сохранялся прежний, т. е. по распоряжению губернатора через полицию. В связи с этим прокурор просил губернатора сообщить о результатах рассмотрения его заключения и в случае согласия с ним сделать соответствующее распоряжение об исполнении взыскания, предложенного прокурором [20, с. 3, 23].

Губернатор на заключениях прокурора ставил свои резолюции («Вполне согласен», «Согласен» и указывал свое решение по мерам взысканий, которые согласовывались с заключением прокурора («дело прекратить», «строжайше указать <...> чтобы впредь не произносил необдуманных изречений»; «выдержать под арестом» указанный в заключении прокурора срок и т. п.). По одному делу, по которому прокурор предлагал обвиняемого подвергнуть аресту на 3 дня, губернатор полагал достаточным и меньшее наказание; однако, чтобы не усложнять дело, он согласился с предложением прокурора. О принятом по заключению прокурора решении и о сделанных полиции распоряжениях губернатор сообщал прокурору [20, с. 5, 12, 16, 26, 34, 41, 48, 52, 65, 66, 95].

Некоторые губернаторы в случае их несогласия с предложениями прокуроров относительно мер взыскания направляли материалы дознаний непосредственно в министерство внутренних дел. Однако в связи с тем, что это нарушало установленный порядок (по которому в таких случаях дела направлялись прокурором судебной палаты в министерство юстиции), директор департамента полиции Зволянский циркуляром от 15 марта 1902 г. предложил губернаторам при несогласии с заключением прокуратуры возвращать дознания со своими отзывами прокурору судебной палаты для их дальнейшего направления согласно установленному законом порядку [20, с. 4, 4 об.].

По другим категориям дел о государственных преступлениях (кроме ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказании) сохранялась прежняя схема разрешения дел в административном порядке, т. е. по решению императора. Например, архивные материалы прокуратуры Киевской судебной палаты за 1903 г. свидетельствуют о том, что вопрос о разрешении дознаний в административном порядке принимал император по докладу министра юстиции. О принятых решениях сообщалось прокурорам судебных палат для соответствующих распоряжений об их исполнении и для отмены после этого мер пресечения. Прокуроры судебных палат давали соответствующие поручения прокурорам окружных судов, которые об исполнении повелений императора и об отмене принятых мер пресечения сообщали прокурору судебной палаты [22, с. 1–4, 16, 18, 36–49].

В начале XX ст. количество политических преступлений резко возросло (за 20 лет – почти в 5 раз) [14, с. 54–55]. 7 июня 1904 г. административный порядок разрешения дознаний по государственным преступлениям был отменен, и закон предусмотрел судебное разбирательство по всем таким делам [23, с. 74]. При этом были расширены права прокуратуры по прекращению дознаний. Оконченное дознание направлялось прокурору окружного суда (ст. 103523 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС)), который и решал вопрос о дальнейшем направлении дела. От него зависело прекращение дознания в случаях, указанных п. п. 1, 2 и 4 ст. 16 УУС, т. е. в связи со смертью обвиняемого, истечением срока давности, а также в связи с помилованием или амнистией (ст. 103525 УУС). Прекращение дознаний на других основаниях (в случаях отсутствия состава преступного деяния; если не установлено или не разыскано виновное лицо; в связи с совершенной недостаточностью собранных против него улик) зависело от специального губернского совещания, которое образовывалось из губернатора, прокурора окружного суда и начальника губернского жандармского управления. Полномочия прокуратуры в этом вопросе были расширены Законом от 16 июня 1905 г., который прекращение дознания в случае отсутствия состава преступного деяния передал из компетенции губернского совещания в компетенцию прокурора окружного суда [24, с. 539].

Для прекращения дознания губернским совещанием прокурор окружного суда предлагал лицу, производившему дознание, представить дело через начальника губернского жандармского управления губернатору для внесения его в это совещание (ст. 103526 УУС). Губернское совещание или прекращало дознание с отменой принятой против обвиняемого меры пресечения, или же признавало дознание не подлежащим прекращению. Заключение губернского совещания принималось большинством голосов. Если дознание не прекращалось, то оно передавалось в распоряжение прокурора окружного суда для дальнейшего направления в установленном порядке (ст. 103527 УУС).

Губернское совещание в основном соглашалось с заключениями прокурора о прекращении дознаний. Однако были и факты несогласия с прокурором. Например, в январе–августе 1905 г. Херсонское губернское совещание на своих 7 заседаниях рассмотрело 66 дел, из них признаны не подлежащими прекращению 6 дел (9,1%), а остальные дела были прекращены. В большинстве случаев дела прекращались из-за отсутствия или недостаточности улик (37 дел, 68,5%), в связи с отсутствием признаков преступления прекращено 5 дел, а в связи с тем, что не обнаружены виновные – 6 [26, с. 17, 20–21, 30, 55, 65, 87–88, 100].

Прекращение дел было преобладающим решением по дознаниям о государственных преступлениях. Например, анализ книги прокурора Одесского окружного суда по учету движения дознаний о лицах, заподозренных в революционной деятельности и в хранении нелегальной литературы, за март 1903 – февраль 1905 г. свидетельствует о том, что абсолютное большинство находившихся в производстве жандармерии дел было прекращено или прокурором по амнистии, или Херсонским губернским совещанием. В суд были направлены только некоторые дела, по которым обвиняемые не только осуждались, но и оправдывались [25, с. 2, 3–6, 7 об., 8, 25, 46 об., 47 и др.].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отличие от полицейского дознания по общим преступлениям, которое прокуратура имела право прекратить самостоятельно, жандармское дознание по государственным преступлениям прокуратура длительное время прекращать не имела права. Однако в прекращении этих дознаний ей принадлежала главная роль, так как к ней от жандармерии поступали все оконченные дознания, она составляла по ним свои заключения о дальнейшем направлении, предлагала прекратить их и указывала конкретные административные меры, которые необходимо применить к обвиняемым. Кроме того, прокуратура контролировала исполнение

принятых правительственными властями решений по этому вопросу. После отмены в 1904 г. административного прядка прекращения дел полномочия местной прокуратуры были расширены, и она получила право в установленных законом случаях самостоятельно прекращать дознания.

Список использованных источников:

1. Горбачов В. Законність і доцільність при порушенні прокуратурою кримінального переслідування в Російській імперії / В. Горбачов // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. – 2016. – № 5. – С. 69–75.
2. Муравьев Н. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / Н. Муравьев. – Т. 1. – М. : Университетская тип., 1889. – 552 с.
3. Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – Кн. № 7.
4. Муравьев Н. Из прошлой деятельности / Н. Муравьев. – Т. 1. Статьи по судебным вопросам. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1900.
5. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). – Ф. 734. – Оп. 1. – Д. 3. – 57 л.
6. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. – 1881. – № 1.
7. Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений : Высочайше утверждены 19 мая 1871 г. // ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 46. – Отд. 1. – СПб., 1874. – № 49615. – 935 с.
8. Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 91. – 5 л.
9. ГАДО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 1.
10. ГАДО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 82. – 7 л.
11. ГАДО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 70. – 16 л.
12. ГАДО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 71. – 4 л.
13. Ярмиш О. Каральний апарат самодержавства в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. : [монографія] / О. Ярмиш. – Харків : Консум, 2001. – 288 с.
14. Тарновский Е. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных / Е. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 4.
15. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. – 1881. – № 4. – С. 613.
16. Тарасов И. Лекции по полицейскому (административному) праву / И. Тарасов. – М. : Университетская тип., 1908. – 253 с.
17. Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности / И. Тарасов // Временник Демидовского юридического лицея. – Кн. 39. – Ярославль : Типо-лит. Г.В. Фальк, 1886.
18. Казанцев С. История царской прокуратуры / С. Казанцев. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. – 216 с. – С. 181.
19. Государственный архив Харьковской области. – Ф. 373. – Оп. 1. – Д. 17. – 540 л.
20. Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 11сч. – Оп. 1. – Д. 372. – 107 л.
21. Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). – Ф. 317. – Оп. 1. – Д. 2072. – 26 л.
22. ЦГИАУ. – Ф. 317. – Оп. 1. – Д. 2363. – 62 л.
23. ЦГИАУ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 1. – 197 л.
24. О некоторых изменениях и дополнениях закона 7 июня 1904 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 16 июня 1905 г. // ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 25. – Отд. 1. – СПб., 1908. – № 26440.
25. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 86. – 93 л.
26. ГАОО. – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 217. – 189 л.

